

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).083

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ 1905–1907 ГГ. В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ ГУБЕРНАТОРОВ: И.Ф. КОШКО, П.Г. КУРЛОВ, Н.П. МУРАТОВ

© В.А. Ловцов

Аннотация. Изучено влияние революционного терроризма 1905–1907 гг. на губернаторский корпус. Рассмотрено отношение общества к чиновникам в Российской империи. Проанализированы способы организации рабочего процесса губернаторов в условиях постоянной угрозы покушения. Рассмотрены наиболее частые способы покушений. Проанализировано влияние террора на моральное состояние губернаторов.

Ключевые слова: губернатор; Российская империя; революционный терроризм 1905–1907 гг.; И.Ф. Кошко; П.Г. Курлов; Н.П. Муратов

«Да, за это время губернаторам много грехов простится на том свете» [1, с. 83]. Трудно не согласиться с этой цитатой, характеризующей период революционного терроризма 1905–1907 гг. Еще больший вес эти слова приобретают, если учесть, что принадлежат они самарскому губернатору И.Л. Блоку, 21 июля 1906 г. погибшему от взрыва бомбы¹.

В исследованиях по терроризму в Российской империи большое внимание уделяется анализу целей и мотивов революционеров. Но при этом остается в стороне противоположный лагерь, против которого и применялся террор, – русское чиновничество. А ведь эти люди выполняли свои рабочие обязанности в обстановке смертельной опасности, когда от бомбы или пули не был застрахован ни околоточный надзиратель, ни генерал-губернатор. Такой травмирующий опыт непременно должен был оказать влияние на внутреннее состояние чиновников и на мотивы принятия тех или иных решений. Кроме того, русское общество тех лет в большинстве симпатизировало террористам, видя в них авангард борьбы прогрессивных сил с самодержавием. Поэтому чиновничество попало в своеобразную изоляцию, при которой сам чиновнический мундир дегуманизировал своего носителя, в глазах общества лишая его права на сочувствие, а для террористов становясь единственным мотивом для убийства. Как после отмечал убийца И.Л. Блока Г. Фролов: «Что за человек

¹ Книга русской скорби: в 14 т. Спб., 1909. Т. 3. С. 115.

был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал, да это в то время было неважно; он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором» [2, с. 114].

Именно поэтому представляет интерес внутренний мир чиновника в обстановке террора 1905–1907 гг.

Но так как чиновный мир был многочислен и неоднороден, есть смысл сосредоточить взгляд на определенной его прослойке. Для решения поставленной задачи лучше всего подходит уже упомянутый пост губернатора. На это есть ряд причин. Во-первых, все покушения на жизнь губернаторов достаточно тщательно фиксировались. Во-вторых, губернаторов не охраняли так сильно, как, например, министров, но при этом они были облечены достаточной властью и были символом самодержавия в губерниях, что делало их наиболее привлекательной жертвой революционеров. В-третьих, губернаторы оставили достаточное количество воспоминаний, позволяющих взглянуть на обстоятельства террора 1905–1907 гг. от лица тех, против кого он был направлен.

Наиболее интересные для решения проблемы мемуары оставил И.Ф. Кошко. Дважды ему приходилось занимать губернаторское кресло после того, как предыдущий губернатор погибал. Первый раз это случилось 21 июля 1906 г., когда взрывом бомбы был убит самарский губернатор И.Л. Блок. Вице-губернатор И.Ф. Кошко исполнял обязанности губернатора вплоть до сентября 1906 г., пока в Самаре не прибыл преемник погибшего В.В. Якунин.

А после убийства С.В. Александровского 25 января 1907 г. И.Ф. Кошко прибыл для исполнения обязанностей губернатора в Пензу. Кроме того, на жизнь самого И.Ф. Кошко готовилось несколько покушений. Поэтому именно этот человек компетентен в описании того состояния, в котором находились губернаторы в эпоху террора. Его воспоминания полны рефлексии на тему исполнения долга в связи с постоянной угрозой смерти, а также описания тех или иных сторон жизни и общества, связанных с революционным терроризмом.

Также ряд вопросов, связанных с терроризмом, поднимают в мемуарах тамбовский губернатор Н.П. Муратов и минский губернатор П.Г. Курлов.

И.Ф. Кошко отмечает, что в захлестнувшей Российскую империю волне террора авторы покушений очень часто уходили от правосудия, покрываемые запуганным или сочувствующим революционерам местным населением. Безднаказанность окрыляла «преступные элементы» на новые покушения, которые считали ходовым средством разделаться с людьми, по тем или иным причинам не угодившим революционерам [1, с. 8]. В обществе во время террора царили растерянность и неуверен-

ность в завтрашнем дне, «...повсюду господствовала с каждым днем нагнетающая революционная банда» [1, с. 16].

Террористы пользовались фактически открытой поддержкой «светлых личностей» из числа оппозиционных кругов, громивших в прессе деятельность правительственных чиновников, не останавливаясь при этом перед клеветой. При этом: «Самое изложение велось таким пропитанным страстной ненавистью тоном, который захватывал и выводил из себя даже совершенно уравновешенных людей. Это называлось тогда «идейной борьбой», а на самом деле было чистойшей, вполне сознательной, как стали выражаться позднее, провокацией убийства. Зеленая молодежь, которая была прямо зачарована своей узурпированной ролью «спасателей отечества», как губка, впитывала разлитый в этих листках яд, экзальтировалась до полной потери представления, что хорошо и что гнусно, и слепо шла на подвиг «устранения» вредных для народных интересов людей» [1, с. 8].

И.Ф. Кошко подвергает критике Государственную думу. По его мнению, из-за того, что дума не осудила террор как средство политической борьбы, она оттолкнула от себя мирно настроенную часть общества. Кроме того, думские дебаты предоставили почву для дальнейшего развития террора [1, с. 36-37].

Итог взаимоотношения общества и губернаторов в этот период подвел самарский губернатор И.Л. Блок: «Рискуешь жизнью, треплешь до изнеможения нервы для поддержания спокойствия, чтобы люди могли жить по-человечески, и что же повсюду встречаешь? Не только нет тебе никакой поддержки, а на каждом шагу доходит одно осуждение: едешь по городу и ловишь взгляды, полные ненависти, точно ты какой-нибудь изверг, пьющий человеческую кровь, как любят выражаться распропагандированные мужики» [1, с. 83].

Постоянная угроза атаки революционеров вынудила губернские власти адаптировать рабочий процесс под новые условия. Двумя наиболее уязвимыми точками в рабочем графике губернаторов были личные приемы просителей, когда террорист мог подобраться на расстояние вытянутой руки к жертве, а также любое публичное появление губернатора.

Вот так И.Ф. Кошко описывает процедуру приема: «Прием просителей был двойной: служащие и лица, известные находящейся при доме охране, приглашались в приемную рядом с моим кабинетом и принимались мною по очереди в кабинет по докладу начальника домового охраны старшего стражника Зиберова. Остальные лица отправлялись вниз в канцелярию, и я принимал их там в кабинете старшего чиновника особых поручений» [1, с. 144]. При этом в швейцарской постоянно дежурили три полицейских стражника, которые образывали строй перед

дверьми во время приема неизвестных охране просителей для предотвращения покушения.

Но постоянно полагаться на охрану губернатор не мог. Поэтому И.Ф. Кошко не исключал и возможности самообороны: «... а для своего успокоения в душе решил подходить к каждому просителю вплотную, пристально следить за каждым его движением и в случае надобности схватить подозрительного человека в охапку и не дать ему возможности шелохнуться, пока не придет на выручку помощь. В кармане у меня лежал заряженный браунинг, поставленный на «feu» и с патроном в канале. Браунинг не покидал меня ни на минуту, пока я бывал вне дома» [1, с. 53]. И.Ф. Кошко отмечает, что этот прием подходить вплотную и следить за собеседником уже выручил ярославского губернатора А.А. Римского-Корсакова, когда проситель попытался вытащить револьвер, но был повален губернатором на пол.

Губернаторы в силу служебных обязанностей были вынуждены присутствовать на публичных мероприятиях. И здесь наблюдения за собеседником помочь вряд ли смогли бы: «Конечно, я понимаю, что на общих приемах этот способ недействителен, потому что, пока вы говорите с одним, другой может вас в это время ухлопать, пользуясь тем, что на него не смотрят. Но на это лекарства не было, как не было его против бомбы, и приходилось с этим мириться» [1, с. 53].

Вопрос публичных появлений был затронут и в центральном аппарате МВД². Предполагалось, что губернаторы должны избегать посещения публичных мероприятий, отправляя вместо себя своих представителей. Но от этого варианта пришлось отказаться, так как он мог бы вызвать панику в обществе. Да и сами губернаторы, как правило, игнорировали опасность покушения, несмотря на то, что за ними уже фактически велась охота, мотивируя это нежеланием признавать страх перед революционерами и боязнь прослыть трусом.

Характерным случаем является присутствие И.Ф. Кошко на похоронах губернатора И.Л. Блока. Прямо во время церемонии И.Ф. Кошко получает анонимное письмо с сообщением о готовящемся покушении, но не прерывает похорон: «Сделать перевозку ночью, украдкой – было, конечно, невозможно. Это значило бы публично признаться, что власть боится революции и перед ней спасовала. Это было бы таким позором, которого порядочные люди мне никогда бы не простили. Да и сам был бы не в состоянии его перенести. Оставалось, следовательно, скрыть ото всех содержание письма и совершенно с ним не считаться» [1, с. 94].

² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 260. Д. 280. Л. 71-72.

Интересны и переживания И.Ф. Кошко во время движения процессии. Он шел рядом с гробом, стараясь держаться подальше от семьи погибшего: «Все-таки я, вероятно, представляю более желанную цель революционерам, чем ставшая частными людьми семья губернатора, так что, нужно думать, бомбу бросят в меня: чем больше будет между нами расстояние, тем для семьи безопаснее» [1, с. 95].

И.Ф. Кошко казалось, что покушение случится на одном из перекрестков, так как из-за большого скопления людей там легче будет скрыться. Проходя каждый следующий перекресток, он всматривался в лица стоящей на тротуарах толпы, пытаясь угадать бомбометателя.

Однако все закончилось благополучно. И.Ф. Кошко отпустил своего извозчика и попросил полицмейстера провести его на пассажирскую станцию: «В буфете мы выпили с полицмейстером по рюмке водки, чем-то закусили и оба радостные, что избежали опасности, для меня казавшейся неизбежной, а для него предполагаемой, поехали домой, каждый в свою сторону» [1, с. 95-96].

Опасения не были напрасны – террористы охотно выбирали траурные мероприятия моментом для покушения. На панихиде была брошена бомба в минского губернатора П.Г. Курлова: «Вдруг я почувствовал легкий удар в голову, на который не обратил внимания, думая, что вследствие оттепели на меня упал небольшой комок снега. Ко мне подбежал правитель канцелярии губернии со словами: «Ваше превосходительство, бомба». Я посмотрел вниз и увидел у моих ног четырехугольный сверток, завернутый в серую бумагу» [5, с. 42]. Так как в городе не было специалистов-саперов, бомба была брошена в костер в пространстве между домом губернатора и собором – от взрыва лопнули стекла в домах на нескольких прилегающих улицах [3, с. 43].

К публичным появлениям можно отнести и перемещения экипажа губернатора по городским улицам. И.Ф. Кошко отказывался от предложенного полицмейстером конвоя, не желая признавать страх власти перед революционерами [1, с. 147]. В схожей ситуации тамбовский губернатор Н.П. Муратов предпочел прислушаться к полицмейстеру, который в качестве меры предосторожности приготовил для губернатора две кареты, чтобы сбить революционеров со следа. И как оказалось, покушение не состоялось по одной причине – вместе с Н.П. Муратовым в карете находилась его жена, и исполнитель покушения не нашел в себе сил бросить под колеса бомбу [4, с. 43-44].

С поездками связаны и две других попытки ликвидировать Н.П. Муратова. Была предпринята попытка напасть на него на выходе из вагона после возвращения из Борисоглебска [4, с. 115-116], а также специально организованный отряд революционеров должен был перехватить губер-

натора на обратной дороге в Тамбов из Саровской пустыни [4, с. 116–117]. Однако все попытки провалились благодаря грамотно организованной работе охраны губернатора и полицмейстера.

Однако рабочий график революционеров, в отличие от губернаторов, предусматривал круглосуточный режим работы, поэтому покушения совершались и в нерабочее время. Так, С.В. Александровский, например, был убит на выходе из театра [1, с. 135].

Кроме того, И.Ф. Кошко описывает случай, в котором революционеры проникли непосредственно в дом губернатора И.Л. Блока за три дня до его убийства, но в тот раз все обошлось благополучно.

Атаке революционеров мог подвергнуться в своем доме и сам И.Ф. Кошко: «Не могу сказать, чтобы, услышав этот доклад, я остался спокоен. Воображение стало работать, отыскивая то место губернаторского дома, где удобнее всего произвести взрыв, и почему-то передо мною все мелькал парадный подъезд, над которым в третьем этаже помещается моя спальня, хотя подъезд этот выходил не на улицу, а был во дворе за воротами. Я мысленно уже видел, как разрушаются стены, и я с кроватью падаю в пропасть, засыпаемый обломками» [1, с. 219].

Опасения И.Ф. Кошко нельзя считать напрасными. Подобные прецеденты действительно существовали – взрыв был устроен в доме минского губернатора П.Г. Курлова [3, с. 29].

Интересна мотивация кандидатов в губернаторы занять столь популярный для атак революционеров пост, а для действующих губернаторов продолжать нести службу. При анализе мемуаров можно выделить два ключевых аспекта — это карьерные амбиции и боязнь публично проявить свой страх перед лицом возможной гибели.

И.Ф. Кошко долго сомневался, размышляя над тем, стоит ли ему принять предлагаемый пост губернатора. Однако карьерные и статусные соображения, такие как место первого человека в губернии, к мнению которого прислушиваются, а также «чудная квартира, порядочное содержание» склоняют чашу весов в сторону губернаторства. При этом возможную опасность И.Ф. Кошко считает временной помехой, которую можно перетерпеть ради дальнейшей карьеры, открывающейся с позиции губернатора [1, с. 129].

Второй аспект мотивации – страх не перед собственно покушением, а боязнь проявить свои опасения публично, – раскрывается в уже описанном эпизоде, например, когда И.Ф. Кошко отказывается остановить похоронную процессию И.Л. Блока при имеющемся у него в кармане письме с угрозами. Подобные размышления посещали И.Ф. Кошко и раньше, когда должность губернатора едва проглядывалась на горизонте: «А если я не найду в себе достаточно мужества бороться с революци-

ей и позорно струшу и спасую? Кто же может предсказать, как будешь держать себя, когда встанет вопрос о собственной шкуре. Мне не приходилось, кажется, переживать случаев смертельной опасности, а потому я и не мог быть уверенным, что достойно выдержу такое испытание. Я только внутренне чувствовал, что если бы мне пришлось смалодушествовать и осрамиться, то все равно такого позора не вынесу» [1, с. 38].

Уже занимая кабинет пензенского губернатора, И.Ф. Кошко принимал возможную гибель как данность. Два его предшественника, занимавшие губернаторское кресло в Пензе, оказались жертвами террористов. И есть все предпосылки для того, чтобы и новый губернатор разделил участь прежних, однако И.Ф. Кошко настроен философски: «Ну, будь что будет! Судьбы не угадаешь» [1, с. 136]. Тема фатализма, видимо, была спасительной для губернаторов в это беспокойное время. Когда И.Ф. Кошко приговорил к смерти один из революционных комитетов, он снова обратился к теме предопределения: «Не могу сказать, чтобы эти прокламации внесли в мое существование еще больше горечи. Я был ко всему в это время глубоко равнодушен и как-то спокойно сравнительно думал об опасности, утешая себя лишь верой в предопределение» [1, с. 102].

Н.П. Муратов говорит еще об одной вещи, которая помогала губернаторам справляться с чувством опасности, – привычке. Столкнувшись с угрозой убийства в беседе с просителем, он ответил следующее: «Ну, а вот теперь, когда чуть ли не каждый день получаешь анонимки, приговоры с разными печатями, рисунками в виде гробов, черепных костей, когда все время окружают, охраняют, предупреждают, когда кругом идет трескотня от взрыва бомб и револьверных выстрелов, когда, казалось бы, не только в открытое окно, но и через двойные рамы его надо бы делать попытку выпрыгнуть – я вот, видите, спокойно сижу, спокойно выслушиваю ваши грозные намеки и поверьте, не от геройства, не от того, что воспитал в себе неустранимость, а просто потому, что привык» [4, с. 118].

При этом внутреннее состояние губернаторов часто оставляло желать лучшего. Исполнение губернаторских обязанностей на фоне постоянной опасности для жизни и тяжелой атмосферы в обществе привело к апатии и сменяющим ее вспышкам паники. Как отмечает И.Ф. Кошко, в какой-то момент службы все начало казаться ему «таким серым, безнадежным, унылым» [1, с. 99]. Но даже возникающее иногда чувство страха было лучше «унылого равнодушия», так как оно хоть как-то волновало и возвращало к жизни. Кроме того, для подавления страха у И.Ф. Кошко был собственный рецепт: «Когда ужас мною овладел и воображение видело опасность даже там, где ее быть не могло, я заставлял надевать себя форменное платье, отправлялся пешком гулять в самые людные места,

заранее назначая себе место, до которого я непременно дойду. В те времена такие прогулки губернатора были действительно величайшей неосторожностью, так как за ними все время охотились» [1, с. 98].

Однако случалось и такое, что привычные средства избавления от страха не помогали. «Вечные тревоги, унылое равнодушие, весьма частые сильные встряски» И.Ф. Кошко вылились в «нервный пароксизм», во время которого он буквально сбежал из готового к отправлению поезда, ощущая за собой слежку и испугавшись покушения [1, с. 121].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Революционный терроризм 1905–1907 гг. показал, что определенные политические и социальные группы готовы были идти до конца в требованиях, выдвигаемых государству, и не боялись применять насилие. При этом террор существенно повлиял на работу государственного аппарата, бросившего усилия на подавление революционеров и охрану своих представителей. Кроме того, несмотря на вполне понятную комбинацию служебной мотивации, сочетающую личные амбиции и боязнь проявить себя трусом, губернаторы не могли полностью компенсировать этим постоянный многофакторный стресс.

Все это, конечно же, не могло не сказываться на качестве принимаемых губернаторами служебных решений и их дальнейшем жизненном пути.

Список литературы

1. *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.): Новгород – Самара – Пенза. Петроград, 1916. 259 с.
2. *Фролов Г.* Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С. 114–123.
3. *Курлов П.Г.* Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М.: Гос. изд-во, 1923. 296 с.
4. *Муратов Н.П.* Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Тип. «Пролетарский светоч», 2007. 436 с.

Поступила в редакцию 14.09.2018 г.

Отрецензирована 18.10.2018 г.

Принята в печать 10.11.2018 г.

Информация об авторе:

Ловцов Владимир Александрович – магистрант по направлению подготовки «История». Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: mr.w.h.white@gmail.com

REVOLUTIONARY TERRORISM OF 1905–1907 IN THE RUSSIAN EMPIRE THROUGH THE EYES OF GOVERNORS: I.F. KOSHKO, P.G. KURLOV, N.P. MURATOV

Lovtsov V.A., Masters Degree Student in “History” Programme. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: mr.w.h.white@gmail.com

Abstract. The influence of revolutionary terrorism of 1905–1907 on the governor's corps is studied. We consider the attitude of society to officials in the Russian Empire. Had been analyzed the ways of organizing the working process of governors in the constant threat of assassination conditions. The most frequent methods of assassination attempts are viewed. We also analyze the impact of terror on the moral conditions of the governors.

Keywords: governor; Russian Empire; revolutionary terrorism of 1905–1907; I.F. Koshko; P.G. Kurlov; N.P. Muratov

Received 14 September 2018

Reviewed 18 October 2018

Accepted for press 10 November 2018